

МЕТАТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИИ ДИСКУРСА.

Антропоцентрический подход занимает все большее место в различных отраслях научного знания и продолжает рассматриваться в качестве ключевой и даже, в некотором смысле, отправной точки в исследованиях явлений и феноменов, ранее считавшихся «объективно» независимыми от «субъективного» человеческого фактора. Лингвистика не стала исключением и «человек Говорящий» занял свое место в качестве базового элемента в научных изысканиях как психолингвистов, когнитологов, так и семиосоциопсихологов, лингвокультурологов и переводоведов. В этой связи основные категории языка и речи, *слово, предложение, высказывание, текст, дискурс и др.* полагавшиеся «объективными сущностями», хотя и, безусловно созданные в процессе деятельности индивида, что уже само собой говорит об относительности утверждения их объективности, перестали находиться в исключительной сфере научных изысканий собственно лингвистики и приобрели междисциплинарный характер, где начали получать свое, особое для каждой из парадигм, интегрирующих в свой терминопонятийный аппарат указанные категории, переосмысление.

Реонтологизация сущностных для лингвистики понятий в других смежных, «стыковых» парадигмах привела не только к **структурно-уровневой инклюзивности**, когда каждая из категорий, изначально формулируемая как логически «ясное» понятие в конкретной парадигме, начинает впоследствии приобретать более широкое значение, охватывающее и включающее в себя признаки вышестоящего (или параллельного) элемента, тем самым десемантизируя этот элемент, но и к тому, что, возвращаясь в

1. Балабин Виктор Витальевич – кандидат филологических наук, докторант кафедры романских языков Военного университета.

исходную парадигму, уже «переосмысленное определение» создает целый ряд «актуальных гносеологических проблематик», касающихся не только формально-структурных, но и методологических аспектов их дальнейшего исследования. В качестве примера можно привести ситуацию с *дискурсом*, в которой понятие, изначально понимаемое французскими структуралистами, как *речевое произведение (высказывание)* стало трактоваться настолько «широко», что в некоторых теориях и направлениях уже самой лингвистики «дискурсу» трудно определить соответствующее постоянное место¹.

Похожая ситуация возникла и с определением категории *смысла*, где его изначальная закреплённость за знаковой структурой и соотнесение со *значением* определенной единицы языка (как правило слова), стало рассматриваться в исключительной корреляции с экстралингвистическими факторами: ситуацией, интенцией и целеустановкой коммуникантов, что привело к появлению, в частности, в психолингвистике нового терминопонятия *личностный смысл*. Хотя в свое время Л.С. Выготский, один из основоположников отечественной психолингвистики, определял *смысл* в его отличии от *значения* как: **совокупность психологических факторов**, возникающих после слова, говоря о смысле как о «динамическом, находящемся в движении сложном образовании», а о значении как об «устойчивом, неподвижном» феномене². Таким образом, *смысл* остается *смыслом* и для каждого он, а priori, свой, «личностный», в то же время *значение* остается общим, относительно «объективным» для всех воспринимающих данное слово (а именно оно является минимальной единицей языка, несущей в себе определенное значение) понятием.

1. Подробно, положение дел в *дискурсологии* рассматривается в целом ряде источников, среди которых наиболее содержательными можно назвать следующие: Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003., Кубрякова Е.С. Дискурс: Определение и направления в его исследовании//Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004., Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. – М.: КомКнига, 2006., Мишуров Э.Н. Дискурс: pro et contra//Языковые контексты: структура, коммуникация, дискурс. – М.: Военный Университет, 2007. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. De Beaugrande R. Text, discourse and process. Norwood, N.J.: Ablex. 1980, Stubbs M. Discourse Analysis//The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. – Oxford.: Blackwell, - 1983

2. Выготский Л.С. Мышление и речь //Собрание сочинений Т.2. – М.: Прогресс, 1982. - С. 38.

Особую трактовку смыслу стали давать и представители социологии. Так «феноменологически» смысл можно описывать как избыток отнесений, доступность которого определяется смыслом данным актуально. А сам смысл-«это *бесконечный процесс*, то есть *неопределенная связь* отнесений, к которой, однако, можно определенным образом получать доступ, а также воспроизводить ее». При этом форма смысла обозначается как дифференциация актуальности и возможности. Актуализированный смысл имеет потенции возможного смысла, последний же все еще способен стать актуальным. Смысл в этой связи является «формой, которая на обеих сторонах содержит копию самой себя в себе самой»¹. Главным в образовании **смысла**, в данном подходе, рассматривается общество. Именно оно является «системой, конституирующей смысл». Представленное субординационное позиционирование смысла и, более того, его зависимость, на наш взгляд, исключительно от формы актуализации, не может быть принято безоговорочно, так как сам процесс актуализации очень «субъективен», и лингвистика до сих пор до конца не ответила на вопрос, по каким законам происходит смысловое наполнение единиц языка. Смущает и придание смыслу характеристики *бесконечности процесса*, который реализуется в *форме*, хотя его конечность и определяется формой его репрезентации в слове, высказывании, тексте. *Иными словами смысл конечен в своей бытийной форме, но бесконечен в потенциальности своего развития*. Безусловно, он может развиваться и трансформироваться во что-то другое, но это другое будет индуцироваться предыдущей, *определенной связью* с предшествующим смысловым бытийным опытом и самой системы (язык, культура, общество) и формирующими ее релевантными единицами.

Мотивированность дискуссий и приложение указанных толкований в различные терминопонятийные структуры, как правило, одна - во главу угла ставится не «объект», а «субъект», который не только продуцирует то или

1. Луман Никлас. Общество как социальная система. – М.: Логос, 2004. – С. 49-51.

иное речевое произведение, но и является, по существу, его неотъемлемой частью. При этом «конечность» объекта, компенсируется «бесконечностью субъекта», где объект характеризуется своей *данностью*, субъект *произвольностью*. Фактически происходит включенность субъекта в объект, что прямо или косвенно приводит к смещению акцентов в исследовании последнего и выходит за его рамки. Свойства объекта коррелируются с субъектом, его потребностями в речевой коммуникации, в необходимости взаимодействия, суть воздействия, на другого, «иного», предполагаемого или реального присутствующего в коммуникации лица (адресата, коммуниканта). Все это значительно усложнило терминопонятийный аппарат (не в силу появления новых категорий, хотя таковых и немало, а по причине нового означивания старых), но в то же время привело к новым подходам, требующим более глубокого анализа, как существующих, так и появляющихся явлений в языке. К таким явлениям (феноменам) или другими словами категориям относятся *метатекст* и *интертекст* (*метатекстуальность* и *интертекстуальность*). Являясь изначально единицами, не относящимися непосредственно к лингвистике, они исключительно «во время» были взяты ею на вооружение. Основной, на наш взгляд, причиной этому стал не столько антропоцентрический подход, сколько векторное изменение в структурно-уровневом исследовании в самой лингвистике.

Исследование слова, как ключевой, смыслообразующей, несущей в себе символическую функцию, единицы языка, его семантической, концептуальной основы были направлены в сторону единиц более высокого уровня: предложения и далее текста. Словоцентризм отдал пальму первенства новой парадигме в исследовании языка Текстотризм. Насколько оправдана эта сдача своих позиций, зависит, по всей вероятности, от глубины результатов самих исследований, хотя границы последних достаточно обширны и их завершение не представляется ближайшей перспективой. В то же время говорить о «неактуальности» и «исчерпывающем» характере в

изучении потенциала слова, как нам кажется, рано. Ведь еще Соссюр позиционировал слово как центральную единицу в механизме языка. Именно слово обладает и заключает в себе постоянство потенциала и смысловую свободу, при абсолютной неизменности формы, оно может развиваться бесконечно и продуцировать различные смыслы на протяжении длительного временного отрезка.

В этой связи слово можно рассматривать как идеальную модель, как «свернутую форму всего языкового опыта и средоточие всей его структуры»¹. При этом не вызывает никакого сомнения факт того, что все указанные потенциалы проявляются в составе единиц более высокого уровня, идущих от предложения к тексту. Фактически предложение выступает как сфера, среда проявления слова, но оно не обладает тем постоянством, которое заложено в форме слова и которое, как ни странно присуще тексту. Казалось бы, предложение как основной формант текста и как среда существования и реализации слова, должно вбирать в себя характеристики первого и последнего, однако это далеко не так.

Предложение занимает особое место в системе развертывания смысловой потенции слова и играет роль связующего конституента и компонента текстуальности, но это место не может быть *исключительно центральным* в системе языка. Прежде всего, потому, что в нем (предложении) трудно отразить *«сущностной характер явленности смысла»*. Предложение при его прочтении, ведет нас за собой, создавая определенную ситуацию недостатка в смысловом насыщении (смыслового голода), оно требует постоянного продолжения. Предложение требует комплементарного элемента в виде последующего предложения или даже нескольких, связанных между собой предложений. В свое время, Жинкин Н.И. отмечал тот факт, что *текстовый смысл* может быть определен, только путем интеграции лексических значений *двух смежных предложений текста*. В случае если

1. Иванов Н.В. Проблемные аспекты языкового символизма (опыт теоретического рассмотрения). – Мн.: Пропилеи, 2002. – С. 42.

интеграции не возникает, необходимо следующее смежное предложение, и так до момента появления смысловой связи этих предложений¹.

В то же время слово и текст, воплощая в себе «диалектическое единство сущности и явления»² находятся в постоянной связи и развитии. Текст является новым качеством (и не только в силу того, что как целое он больше составляющих его частей), но и в связи с тем, что текст группирует в себе смыслы всех образующих его компонентов. Действительно если словесный знак дискретен, а текст континуален, то способность отразить смысл может быть реализована только совместно. Кажущаяся противоречивость между текстом и словом, заложенная в их природе, снимается, именно благодаря взаимному дополнению. Дискретность переходит в непрерывность, образуя семантическое целое, и наоборот континуальность впоследствии может разделяться на смысловые сегменты при восприятии, созданного речевого целого. Данный процесс происходит *линейно*, по мере поступления информации, предложение за предложением до полной интеграции, переходящей в завершенность. **Завершенность текста есть его осмысленность.** Однако возникает вопрос, что позволяет понять - осмыслен текст или нет? Можно ли говорить об «осмысленности», как о факте объективном, принимаемым всеми (или, во всяком случае, большинством)? Что является подтверждением «правильности» принятия текста и той информации или в целом интенции, которая в нем заложена? Имеет ли данная интенция определенные вербальные проявления или все находится лишь в голове «человека Говорящего (читающего, слушающего)» и ограничивается его рефлексирующими ментальными операциями? Поиски ответов на все эти вопросы, вероятно, и побудили обратиться к «новым» для лингвистики текста³ категориям *интертекстуальности* и *метатекстуальности*. Здесь следует подчеркнуть, что мы рассматриваем эти феномены в неразрывной

1. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Издательство Наука, 1982. – С 87.

2. Колесов В.В. Слово и дело. – СПб.: Издательство СПб. Университета, 2004. – С.155-157.

связи с *осмысленностью*. Задача понять, вскрыть хранящийся или явно выраженный в тексте *смысл*.

Существуют различные подходы к рассмотрению явлений интертекста и метатекста: одни выделяют метатекст в отдельный вид интертекстуальности, другие считают, что метатекст должен исследоваться как совершенно независимое явление. В действительности Интертекстуальность (интертекст) тесно связана с Метатекстуальностью (метатекстом) и, по нашему мнению, не может рассматриваться без последнего. Интертекстуальность изначально как явление постмодернистской текстологии отражало, прежде всего, *взаимодействие текста с семиотической культурной средой в качестве интериоризации внешнего*. Фактически текст выступал продуктом данной интериоризации. Сам же термин был введен Ю. Кристевой в конце шестидесятых годов в связи с исследованием «полифонического романа» М.М. Бахтина, в котором был закреплён факт «диалога текста с текстами, предшествующими или параллельными ему во времени». Идея сводилась к тому, что каждый текст представляет собой новую палитру, созданную из старых цитат и композиционно-смыслового опыта предшествующих текстов¹. Старые культурные коды, формулы, ритмические структуры и фрагменты социальных идиом поглощаются текстом. Он же, в свою очередь, не может рассматриваться иначе, нежели в качестве включенного в перманентный процесс смыслообмена с широкой культурной средой и именно в этом обмене, по словам Ю. Кристевой, реализует себя «безличная продуктивность» текста². В дальнейшем явление интертекстуальности стало

3. Данный уровень при описании феноменов *метатекстуальности* и *интертекстуальности* берется нами исключительно с целью показать сущностные различия в подходах других направлений, прежде всего литературоведческих, использующих аналогичные понятия и придающих им несколько иное значение. Кроме того, мы в целом полагаем указанные категории в большей или меньшей степени относящимися к уровню *дискурса*, в силу охватывания ими не только вербальных, но и ситуативных, культурных и социальных аспектов при порождении и восприятии речевых произведений, в качестве которых рассматривается и текст, и диалог, и фразеологизм, выраженный предложением, и идиоматическое выражение.

1. .Барт Р. От произведения к тексту// Семиотика. Поэтика: Избранные работы. – М.: Изд. Группа «Прогресс»; «Универс»; «Рея», 1994. – С.413-423.

трактоваться более широко. Так Р. Барт предложил включить в интертекстуальность не только тексты-предшественники, но и тексты, возникающие позже произведения, считая, что «источники текста существуют не только до текста, но и после него». В данном случае речь шла о непосредственном взаимодействии текстов, что потребовало дать определенную классификацию категориям, описывающим существующий процесс. Типология была предложена Ж. Жаннетом в книге «Палимпсесты: литература второй степени», и ее в целом стали рассматривать как базовую классификацию межтекстовых отношений, где в качестве основных стали выделять пять типов отношений:

- 1) интертекстуальность как непосредственное и явное присутствие в одном тексте двух или более различных текстов (цитата, плагиат, аллюзия);
- 2) паратекстуальность как отношение или связь текста с его частями (названием, подзаголовком, эпиграфом, примечаниями);
- 3) метатекстуальность, как комментирующая ссылка одного текста на другой;
- 4) анафорическая интертекстуальность, соотношение текста со своими предтекстами, когда более ранний текст не может быть указан или упомянут эксплицитно;
- 5) гипотекстуальность, связь одного текста с другим (гипотекстом) при помощи трансформации, пародии, имитации, адаптации, продолжения и тому подобное;
- 6) архитекстуальность, как жанровые связи текстов.

Представленная типология репрезентативна и ценна, прежде всего, тем, что, систематизируя определенным образом межтекстовые отношения, она

вводит новые категории, имеющие значение не только для литературоведения, но и для лингвистики. Здесь фактически подтверждена языковая сущность явлений, выражаемых в различных формах межтекстовых отношений. Так выделенные впоследствии сущностные характеристики текста: связность, слитность, цельность есть не что иное, как проявление его интертекстуальной природы. Однако и в данной классификации есть свои «темные места». Если паратекстуальность, гипертекстуальность и архитекстуальность дефинируются в достаточно ясной форме, то метатекстуальность остается слишком размытой. Что можно понимать под ссылкой одного текста на другой, каким образом представляется соотношение текста со своими предтекстами, и что же тогда отличает метатекст и интертекст? Неясность в определении говорит не о недостатках в понимании его составителем, а скорее о сложности и многоплановости самого определяемого явления. Здесь метатекст как соотношение со своими предтекстами фактически дублирует понятие интертекстуальности, за одним исключением - интертекстуальная связь «выражена явно», метатекст скрыт от читателя. Интертекст имеет свои языковые формы проявления в виде слов, фраз, цитат, принадлежащих ранее кому-то или текстовых аллюзий, относящихся нас к некоторым определенным текстам. Метатекст фактически не проявляется, а додумывается, интерпретируется, выражаясь в языке, следуя вышеприведенной логике, в различных дополнительных комментирующих ссылках.

В этой связи «явность» интертекста и «завуалированность» метатекста есть основное их различительное свойство. Здесь и возникает сложность, о которой стоит сказать несколько слов. Действительно, если цитата и даже некая фраза, характерная для предшествующего произведения может быть идентифицирована в качестве интертекстуального компонента, то с текстовой аллюзией дела обстоят не так просто. Прежде всего, *аллюзия* представляет собой и является по своей сути *фигур¹ой*, назначение которой заключается в

«выражении таких нюансов содержания, которые семантикой языка не предусмотрены заранее». В свое время Б.А. Ларин писал, о том, что *фигуры не имеют своих знаков в речи* (разрядка наша), но выражаются *во взаимодейственной совокупности с¹лов*. Другими словами, фигура может быть средством проявления интертекстуальности в процессе ее повторяемости и распознаваемости как синтаксической конструкции, средства оформления некоего содержания (литота: *мальчик с пальчик*; гипербола: *Не видел тебя уже тысячу лет!*; уступление: *Да, ты права, я был несдержан*; ирония: *«Не получила денег, ах какая досада!»* - *запричитал кассир*. Инверсия: *Взлетел ввысь, пригляделся и камнем вниз!* и др.) в других речевых произведениях, однако она метатекстуальна в своей направленности на проникновение в смысловую суть высказывания в его общем восприятии и понимании. Фигура и, в особенности, один из ее видов аллюзия, подчеркивают не столько интертекстуальный, сколько напротив, метатекстуальный характер данного феномена. Аллюзия имеет целью представить собой *ассоциативную отсылку (обратите внимание: не явную языковую, а имплицитную по-Жанетту, скрытую) к определенному для адресата прецедентному речевому произведению*. Таким образом, возникает совершенно четкая направленность на связь одного произведения с другими и возможной их понятийно-смысловой корреляцией. В то же время сами операции по распознаванию интертекстуальных элементов, их соотнесению с другими текстами или их компонентами и формируют метатекст.

Способность распознать и выявить тот или иной интертекстуальный элемент, а где-то и угадать сам прецедентный текст, зависит от

1. Данное понятие также трактуется по-разному, одни авторы говорят о *фигуре*, как об исключительно стилистическом приеме, обороте речи, другие полагают, что фигура есть акт использования языка в самом широком рассмотрении (См.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., УРСС. 2005, Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. М., УРСС. 2006). Однако общим для всех определений *фигуры* является факт выразительного усиления высказывания и в целом речи. Мы, в свою очередь, за усилением выразительности видим обязательное воздействие на адресата, с целью получения не только дополнительного эстетического эффекта, а главное передачи *концептуально-культурного развития смысла*.

1. Ларин Б.А. О разновидностях художественной речи. Семантические этюды//Рус. речь Ч.1. Пг. 1923.С.70

компетентности реципиента, и «субъективность» восприятия может привести к различным формам их прочтения (понимания смысла). Все это сопровождается обязательным построением метатекста, в виде *внутреннего диалога с существующим произведением*. Оно же может в этом случае быть понято в буквальном смысле или будет понят тот «скрытый» внутренний завуалированный смысл, который в действительности и хотел передать автор. Поиск данного «подтекста», а точнее его идентификация, верификация его наличия и выявление даже в глубоко скрытой форме и есть главная задача метатекста. В.Я. Пропп, в этой связи говоря о внешней непричастности автора к содержанию произведения, писал: «... произведение всегда имеет **тенденцию**; чем глубже и основательнее эта **тенденция** будет спрятана, тем лучше и с тем большим эстетическим наслаждением она будет понята и оценена»¹. Если имплицитный смысл обнаружен, понят и закреплён, вынесен «наружу» как содержательно явный, можно говорить о положительном результате построения метатекста, в противном случае, требуется дальнейшее построение структурно-смысловой цепочки, позволяющей прийти к приемлемому результату. Фактически мы сталкиваемся со своего рода ментальной рефлексией путем интерпретации и толкования во внутренней речи наличествующего материала в виде речевого продукта. Однако это не совсем так, любая внутренняя речь формируется на основе некоего образа и самой интерпретирующей ситуации и главное на основе того речевого продукта, с которым происходит взаимодействие.

Таким образом, само речевое произведение задает параметры построения метатекста. Поэтому все те средства интертекстуальности, к которым отнесены и некоторые виды *фигур*, в действительности могут и должны считаться, наиболее яркими средствами репрезентации и выражения *смысла*. То есть опорными точками в языковом проявлении *метатекстуальности*. Учитывая всю сложность данных соотношений,

1. В.Я. Пропп Проблемы комизма и смеха. М., Искусство. 1976. С.177.

наглядный пример которых мы привели выше, интертекстуальность стала получать новые определения, в которых она стала выступать не как явное присутствие текста в тексте, а как *ассоциативная связь текстов*¹. Мы полагаем, что такой подход значительно и в определенной степени неоправданно расширяет толкование интертекста и представляет его как «эксклюзивно универсальную» категорию взаимодействия текстов (речевых продуктов) и средства их понимания. При этом категория метатекста рассматривается как исключительно второстепенная, комментирующая и как это не парадоксально, не имеющая конкретного языкового выражения, то есть трудно различимая и не поддающаяся более детальному изучению. Фактически она становится зависимой, производной от явления интертекстуальности, и в некотором роде «включенной» в него, что представляется не вполне мотивированным. Прежде всего, это обуславливается тем, что метатекст является категорией не столько текстуальной, в прямом соотнесении с текстом, как речетворческим произведением (продуктом), сколько категорией *дискурсивной*, то есть относящейся к линейно развертываемой последовательности, связанной с внешними коммуникативными, культурными, когнитивными и аксиологическими факторами, направленными на порождение и восприятие этого произведения.

Если интертекстуальность позволяет найти в речевом произведении следы прошлого и связь с ним, то для более глубокого понимания текста необходимо перейти в область метатекстуальности, которая дает возможность следовать дальше и связать в единое понятийное целое не только два текста, но и в целом культурно значимые и соотносимые между собой речевые произведения. В этой связи метатекст определяется и как композиционно-синтаксическое явление, отдельное от семантической структуры текста, конструкции которого способствуют структурированию

1. В.П. Москвин Выразительные средства современной русской речи. М., УРСС. 2006. С. 121.

текста как единого целого и выделению главной и второстепенной информации и, наоборот, как неотъемлемая часть семантической организации текста¹.

А. Вежбицкая, которой отдается пальма первенства, касательно введения в языкознание (именно в языкознание, а не в литературоведение) терминопонятия «метатекст» неотделимо связывала метатекст с исходным текстом². Именно принимая текст, реципиентом формируется метатекст, при этом «внутренние диалогические отношения» могут относиться и ко всему корпусу в целом и к отдельным его частям. Это позволяет заключить, что метатекст способен структурировать исходный текст и последовательно структурироваться сам. В то же время, данное свойство зависит исключительно от субъекта, коим при порождении речевого произведения является автор, а при восприятии реципиент. Иными словами автор пытается посредством *метатекстуальных операторов*, выражаемых в различных языковых формах, структурировать свой исходный текст, и предоставить возможность реципиенту на основании представленных операторов понять его (автора) замысел, интенции и в конечном итоге, *смысл*. Средства и конструкции, используемые для реализации указанных задач, носят межсубъектный характер и рассматриваются в своей совокупности, как *интерперсональный метатекст*. К вышеназванным операторам относятся следующие: 1) операторы, подчеркивающие характер истинности или сомнения в истинности автора в продуцируемом высказывании, выражаемые, как правило, лексическими единицами или вводными предложениями (*Я уверен, Несомненно, Фактом является то, что...*); 2) операторы, формирующие определенное отношение у реципиента к принимаемому речевому продукту, выражаемые разъясняющими предложениями или прямым обращением к читателю, после некоторого изложения материала (*Вы*

1. Н. Турунен Метатекст как глобальная система и вопросы конструирования текста в пособиях по развитию речи. // Стереотипность и творчество в тексте. Перм. ун-т. – Пермь, 1999. С.310.

2. А. Вежбицкая Метатекст в тексте.//Новое в зарубежной лингвистике. Вып.8. Лингвистика текста. М.: Прогресс. 1978., С. 402-421.

полагаете это разумно...; Представленные выше замечания мы оставляем на суд читателя...;); 3) операторы как средства оценки (выраженные аксиологические средства) и совместного координирования отношения к высказыванию, задаваемые и инициируемые автором посредством эксплицитных выражений субъективной модальности, а также различных форм наклонения, в частности побудительной и условной (Важно отметить...; Хотелось бы вместе с вами окунуться в прекрасный мир кино. Приглашаем Вас в чудесный мир сказки. Хорошо, что вы пришли). Данный перечень не носит исчерпывающего характера и для наглядности представлен на примерах русского языка. Кроме того, метатекстуальные операторы интерперсонального плана выполняют в целом задачу внутритекстовой организации, они не могут быть в полной мере перенесены в область субъектной рефлексии и образности, что важно на уровне межтекстовых связей, например различных лингвокультур. В то же время они могут служить, своего рода речевыми верификаторами заданного в тексте содержания и средствами интеракции продуцента (автора) и реципиента (читателя). Главную роль в лингвокультурном взаимодействии будут играть, пожалуй, иные формы вскрытия смысла, реализуемые путем дополнительных смысловых операций рефлексивно-интерпретативного характера (концептуальный анализ, контекстуальное окружение, акция-реакция в диалоге). В целом важно отметить, что любой текст обладает метатекстовым (метатекстуальным) потенциалом, который может быть развернут полностью или частично. Главным критерием и ключевым звеном этой потенции все-таки остается компетенция «человека Говорящего», и как бы мы не хотели быть «объективными», без его «субъективной» способности к речевой рефлексии и операциям по интерпретации подтекстового, имплицитного содержания, полный выход в подлинно смысловую сферу не представляется выполнимым.